

Кароль Навроцки: Конституция польской свободы

Конституция польской свободы

Принятая в восемнадцатом столетии Конституция 3 мая – первая в Польше и Европе – преисполнена духа свободы. Сломать этот дух свободы хотел российский империализм – казалось бы другой, но в то же время такой похожий на тот, который сегодня пытается уничтожить свободную Украину.

Улица Свентоянская Старого Города Варшавы набита полной энтузиазма толпой. Видим здесь в разрезе целое тогдашнее польское общество. Есть аристократы, духовенство, мещане, но также помещики и представители еврейского меньшинства. Есть и исторические персонажи, с королем Станиславом Августом Понятовским во главе. Однако даже с характерной коронационной мантией, накинутой на плечи, монарх теряется в группе лиц собравшихся у коллегии св. Иоанна. Намного сильнее в глаза бросается маршал сейма Станислав Малаховский, которого несут на руках два посла сейма. В правой руке Малаховский высоко поднимает бумажный документ. Внимательный глаз заметит надпись на титульном листе: «Конституция 3 мая 1791»

Именно так это великое событие конца XVIII столетия воспроизвел Ян Матейко сто лет спустя. Выдающийся живописец не сомневался в том, что он увековечивает один из важнейших моментов долгой истории Польши. Сегодня это очевидно также и для нас, когда каждого 3 мая мы отмечаем годовщину принятия той конституции – первой в Европе и второй в мире.

Время слабости, время надежды

В последнее десятилетие XVIII столетия Речь Посполитая входила как одно из крупнейших государств старого континента – с площадью, превышающей полмиллиона квадратных километров. Никто, кто разбирается в политике, не мог, однако, сомневаться, что – парфразируя Шекспира – прогнило что-то в польском государстве. Страна, которая еще на два столетия раньше переживала свой золотой век, сейчас все еще не могла подняться после многочисленных войн. Казна пустовала. Армия не могла равняться с войсками соседей: России, Пруссии и Австрии. Мещанство было слабо, большая часть шляхты обнищала, а крепостные крестьяне не ощущали связи с государством. Король правил, но его власть уже давно была ограничена. Правила диктовали влиятельные магнаты – олигархи того времени, по большей части выступающие против реформ. Чтобы защищать свои личные интересы, некоторые из них были готовы искать помощи у соседних государств. Последние охотно использовали слабость Польши. Беспощадно вмешивались в ее внутренние дела, а в 1772 году разделили между собой часть ее территорий. Территориально изувеченная Речь Посполитая все сильнее попадала в зависимость от России.

Однако не все шло к худшему. Уже в 60-ые годы XVIII столетия король Станислав Август Понятовский инициировал амбициозные реформы: начиная с образования, включая укрепление положения городов, и заканчивая денежной политикой. Эти изменения набрали скорости после созыва в 1788 году сейма, впоследствии названного Четырехлетним или Великим. Послы сейма свергли российский протекторат, ввели подоходный налог и решили о расширении армии. Кульминацией реформ было принятие Конституции 3 мая, официально названной Правительственным законом.

Бог, Народ, Свобода

«Во имя Бога, в Троице Святой единого» – это первые слова преамбулы этого исторического документа. Конституция признавала римский католицизм господствующей религией, но в то же время, согласно многовековой традиции польской веротерпимости, она прямо говорила о свободе «всех обрядов и религий».

В кратком Правительственном законе от 3 мая 1791 года слова «свобода», «свободный» склоняются по всем падежам и в общей сложности появляются аж 25 раз. Появляются там выражения «личная свобода», «гражданская свобода», но говорится и о «свободном [польском] народе», имеющем «власть устанавливать для себя законы», освобожденном от «позорящих приказов чужого насилия». Свободна шляхта, свободны города и крестьяне, принятые «под покровительство закона и национального правительства», что было первым шагом в сторону отмены крепостничества. А «полная свобода» гарантировалась всем вновь прибывшим в Польшу и возвращающимся в страну. Свобода – испокон веков важная часть польской ДНК – в Конституции 3 мая вездесуща.

Этот самый дух свободы сопровождал европейских колонистов в Америке, когда немногим раньше они успешно бросили вызов британцам и добились независимости. Конституция США старше польской на четыре года, причем славные поправки к ней, закрепляющие права и свободы – известные как Билль о правах – вступили в силу только в декабре 1791 года.

Лозунгами о свободе сопровождалась в то время и французская революция. На Сене возвышенные идеалы перемешивались, однако, с террором. Заметил это британский ежедневник «The Times», который в статье от 9 мая 1791 года писал о французских «деспотических демократах». Их кровавой революции газета противопоставила польскую: рациональную, либеральную, проходящую без зверств. С подобным энтузиазмом писал о Конституции 3 мая выдающийся философ Эдмунд Бёрк: «Никто не понес ущерб, никто не был унижен. Все, от короля до простого рабочего, улучшили свое положение».

Правительственный закон был насквозь современным документом. Она делал упор на разделение властей по Монтескье, из послов делал представителей всего народа, порывал с вводящим анархию принципом *liberum veto* в пользу принятия решений большинством голосов. Приносил неподдельную надежду на то, что Речь Посполитую удастся еще спасти от упадка и повести ее к новому блеску.

Выбор, повторяемый ежедневно

К сожалению, эта надежда вскоре была убита. Через год после принятия Конституции 3 мая в Польшу вошла почти стотысячная российская армия. В 1793 году Россия и Пруссия опять вырвали у Польши изрядный кусок ее территории. Заседающий под контролем Санкт-Петербурга Сейм отменил конституцию. Последней попыткой спасти страну была инсurreкция (восстание) 1794 года. Войска под командованием Тадеуша Костюшко – героя борьбы за независимость Соединенных Штатов – не были, однако, в состоянии противостоять подавляющим силам врага. После взятия Праги – правобережной части Варшавы – российские солдаты устроили резню мирного населения. Драматические сцены, увековеченные в сообщениях свидетелей и

живописцев, настойчиво навязывают сегодня ассоциации с массовыми преступлениями Российской Федерации на Украине, в Бородянке, Буче, Мариуполе и многих других населенных пунктах.

Хотя в 1795 году Польша была стерта с карты Европы, память о Конституции 3 мая сохранилась. Во время неволи – разделов девятнадцатого столетия, Второй мировой войны и коммунистического правления – шансов официально отмечать очередные годовщины не было. Как только мы вновь обрели суверенитет, 3 мая стало национальным праздником. Так было в 1919 году, после первой мировой войны, и в 1990 году, после падения коммунистической системы.

Когда в прошлом году мы отмечали круглую 230 годовщину принятия первой европейской конституции, на Королевском замке в Варшаве гостили президенты нескольких стран региона. Среди них был президент Украины Владимир Зеленский, который подписал совместную декларацию глав государств. Мы хотим, – заявили подписавшие декларацию, – «чтобы Европа строилась на фундаменте основных ценностей и принципов», таких как «свобода, суверенитет, территориальная целостность, демократия, господство закона, равенство и солидарность».

Свобода и суверенитет не даны раз и навсегда – нужно быть готовым ежедневно за них бороться. Печально это доказано короткой жизнью Конституции 3 мая. Это подтверждается и сегодня, когда Украина защищается от российской инвазии.

Кароль Навроцки